

ПОЛЕ ПАМЯТИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ И БОРЬБА НАРРАТИВОВ

Логунова Лариса Юрьевна,

*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологических наук
Кемферовского государственного университета,
Россия, 650043, Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0001-8417-913X.
vinsky888@mail.ru*

Рычков Владислав Андреевич,

*аспирант кафедры социологических наук
Кемферовского государственного университета,
Россия, 650043, Кемерово, ул. Красная, 6
ORCID: 0000-0002-5771-2995
vladislav-rychkov@ya.ru*

Аннотация

Политика памяти есть стратегия взаимодействия властных институтов и социальных групп в публичном пространстве по вопросам национальной истории. Образы социальной памяти используются акторами для создания нарративов – цельных, сюжетно законченных повествований о событиях прошлого. Социальные группы заявляют о своей идентичности и праве на собственные интерпретации исторических событий через создание нарративов. Столкновение альтернативных интерпретаций событий приводит к мнемическому конфликту, который есть отражение политической борьбы за право на память. Диалог и медиация – инструменты политики памяти. Логика такой политики предполагает примирение и солидарность всех социальных групп, переживших единую историческую судьбу, но обладающих дифференцированной социальной памятью. Люди помнят то, как эти события отразились на судьбах их семей.

Методология исследования политики памяти опирается на социокультурный и историко-сравнительный анализ, объединяет феноменологический и конструктивистский подходы. При анализе проблемы в статье использована теория полей притяжения П. Бурдьё. Такая методологическая конструкция помогает изучить полевые структуры социальной памяти, специфику конструирования нарратива, возможности политического решения мнемических проблем нации. Политика памяти представлена как инструмент управления общественным сознанием в ментальных структурах общности. Она противоречива, идеологически обусловлена, предпола-

гает столкновение или согласование альтернативных нарративов. Правом решения о приоритетной стратегии политики памяти обладают структуры власти, которые определяют правила игры на «поле памяти», артикулируя «официальные нарративы». Но влиянием на формирование стратегий политики памяти обладают любые социальные группы, представляющие «неофициальные» нарративы. Конструкция политики памяти основана на стратегиях – целенаправленных последовательных действиях, утверждающих в коллективном сознании версию общенациональной истории в качестве доминирующей. Стратегии воплощаются в вариативных сценариях – тактических мероприятиях ситуативного характера, определяющих ходы и расстановку действующих персонажей по реализации стратегий.

Авторами определены основные виды стратегий политики памяти: упрёка (реализация «мученического нарратива»), забвения трагического прошлого (вытеснение из официальных нарративов фактов, противоречащих «героическим» интерпретациям), конфликта интерпретаций (противоречащие «официальные» и «неофициальные» нарративы), диалога (дискурс и согласование интерпретаций) с соответствующими сценариями развития политической ситуации – воспевания «исторического величия», замалчивания, покаяния, противоречивых нарративов, примирения и солидарности. Результатом анализа проблем социальной памяти в России являются теоретические конструкты противоборства нарративов с последующими вариантами сценарных решений, оформляющих стратегии политики памяти.

Ключевые слова: поле памяти, социальная память, политика памяти, стратегии политики памяти, сценарии политики памяти.

Библиографическое описание для цитирования:

Логунова А.Ю., Рычков В.А. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 4, ч. 1. – С. 191–213. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-191-213.

Интродукция

Социальная память – это живая структура самосознания общности. Она используется социальной группой для утверждения идентичности и подчеркивания собственной уникальности. Любая общность имеет оппозиционные группы, артикулирующие свою версию интерпретаций образов памяти в нарративах. Иногда столкновение альтернативных позиций по вопросам толкования истории государства становится похожим на поле боевых действий, провоцирует «ментальные неврозы», «войны памяти», наносит травмирующее действие коллективному сознанию общности, углубляет линии раскола в солидарности.

Но дискурс по вопросам памяти определяет здоровое самосознание общности, наполненное разными нарративами. В поле социальной (коллективной) памяти многочисленные индивидуальные сознания сливаются в едином «сознании сознаний». Особенности содержания памяти

определяют специфику идентичности общности [12]. С другой стороны, в мире много социальных идентичностей, каждая из которых имеет свой образ прошлого, свои святыни и свою мемориальную идентичность [2]. Доминирование и господство одной группы в интерпретациях истории омертвляет живое самосознание общности. Право на свой нарратив имеет каждая социальная группа. Право на память и нарратив можно отнести к естественным правам человека. Запрет на альтернативный по смыслам нарратив не имеет смысла. Поле памяти живет вне сознания и воли отдельных личностей или партий. Реку памяти законодательно невозможно остановить. Следовательно, становится актуальной выработка такой политики памяти, которая бы согласовала вариативность исторических нарративов, репрезентуемых разными социальными группами.

Однако такое понимание исторической памяти ставит вопрос: «Что есть истина?». Сама «история формулирует... две тесно связанные... задачи: вердикт об исторической истине и передача памяти» [22, с. 95]. Но что считать исторической истиной? В социологии истиной считается социальная реальность. Эта реальность наполнена «жизненными мирами» людей. Она содержит целый спектр интерпретаций в соответствии с опытом, «биографической ситуацией». Данные интерпретации, в свою очередь, не истинны и не ложны, как и сам опыт. Он есть реальность, исторически зафиксированная в жизни человека или социальной группы. Историческую истину может отчасти определить продуманная политика памяти, соглашающая разнородные по смыслам социально дифференцированные исторические нарративы. Понятие «политика памяти» было предложено П. Нора [25] и применено в политической практике в Германии, когда Г. Коль поставил задачу формирования патриотизма, сочетающего ответственность за мировые войны с гордостью за достижения германской культуры [13, с. 12].

Во второй половине XX века сложилась методология управления прошлым (Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева, М. Фуко), которая воплощается в формат политики памяти. Это система действия социальных групп и институтов в публичном пространстве с целью формирования приемлемых представлений о собственном прошлом. Стратегии политики памяти функционируют в поле памяти, образуя маяки притяжения воспоминаний, образов, интерпретируемых в пользу тех или иных политических акторов. Однако проблема заключается не в определении генеральной стратегии политики памяти, но в попытках идеологически доминирующих групп атаковать прошлое инструментами такой политики. По мнению Ж.-П. Сартра, прошлое беззащитно, значит, ревизировать его или преступно, или политически недальновидно.

Проблема политики памяти заключается в формировании стратегий, в которых должна быть заложена возможность для разных групп репрезентовать свои нарративы о прошлом, организовать дискурс, согласующий эти нарративы, обеспечивающий укрепление солидарности нации.

Методология исследования политики памяти

В исследованиях политики памяти выделяются два теоретических подхода: структурно-функциональный и конструктивистский. Первый опирается на идеи Т. Парсонса, описывает структуру и функции памяти (Е.Г. Грибовод, Д.М. Ковба, Е.Д. Кочнева, Я.Ю. Моисеенко, О.Ф. Русакова). Такой подход помогает выявить структуру поля памяти и определить отдельные функциональные элементы политики памяти. Например, с помощью структурно-функционального подхода можно анализировать, как агенты институтов власти используют пространство этих сфер для регулирования политических процессов с помощью цензуры или интерпретации исторических событий, используя социальные стереотипы, технологии манипуляции общественным сознанием. Подход позволяет объяснить, как политические решения обретают форму законов, заявлений, регламентов, регулирующих представления общности о собственном прошлом, какие последствия это может иметь. Значимость приобретают не столько образы прошлого, сколько способы управления массовым сознанием с помощью этих образов.

Зарубежные исследователи политики памяти, придерживающиеся конструктивистского подхода, изучают разнообразие акторов политики памяти, обращают внимание на ситуативность ее формирования (А. Ассман, Р. Брубейкер, Э. Геллнер, Дж. Олик). Так, идеологическая основа политики памяти может меняться в зависимости от социально-политического контекста и динамики смысловых и ценностных ориентиров [2]. Память постоянно изменяет свои формы, в которых «сплетаются... образы, контексты, традиции и интересы» [11, с. 46]. Э. Хобсбаум предложил идею изобретенной традиции, которая есть «совокупность общественных практик ритуального и символического характера, регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, средством достижения цели – повторение» [21, с. 83]. Признание или отвержение традиций определяется «политическими интересами и интересами влиятельных акторов» [9, с. 139]. На поле памяти действует множество акторов и агентов, и каждый стремится опереться на традиции своей группы. В результате формируется несколько «соперничающих традиций», которые используются акторами как один из элементов для формирования групповых нарративов. Коллективные нарративы, организованные политикой памяти,

рассматриваются как средство формирования идентичности социальных групп (Б. Андерсен, Я. Ассман, Д. Мозес, Т. Моррис-Сузуки, Дж. Паннебейкер, Дж. Рюзен, Э. Хобсбаум).

Ключевые события в нарративах различных групп образуют «поля притяжения» образов социальной памяти, специально выбранных и специфически интерпретируемых. Французский историк М. де Серто рассматривает нарративы как средство создания такого поля – мнемического пространства [17, с. 168]. Т. Моррис-Сузуки предлагает сформировать конструкт смешанных национальных нарративов, некое виртуальное пространство, где различные групповые повествования были бы соединены между собой в единое и непротиворечивое целое [23, 24]. Стратегии политики памяти рассматриваются в контексте мифологизации прошлого [27]. Особое внимание уделяется вопросам осмысления исторических событий, основанных на идее либо диалога, либо конфликта и противостояния [11, с. 41]. Исследуются инструменты политики памяти: коммеморативные практики и мемориальные ритуалы [3, 10].

Приобретают значимость вопросы стигматизации [10] и историко-культурной травмы социальной памяти [20] как «точки сборки» политики памяти. Холокост, апартеид, голодомор – референтные точки (значимые события), своеобразные маяки. Это энергетические сгустки памяти о событиях, уплотнения на ткани социальной памяти. Они становятся «полями притяжения», вокруг которых формируется мейнстрим. Агенты начинают конструировать смыслы социальной памяти, презентуя свои нарративы, интерпретируя события. Столкновение противоположных (по смыслу) нарративов взрывает мнемическую атмосферу. Конфликты противоречащих нарративов свидетельствуют о сопротивлении социальной памяти попыткам манипуляции с ее содержанием. Конструирование смыслов исторических нарративов, интегрирование этих смыслов в политические стратегии управления общественным сознанием становится инструментальным элементом различных стратегий политики памяти.

Событие – это форма вербального фиксирования социальной реальности. Фактографичность события неоднозначна: для его понимания нужно заглянуть «за подкладку факта» [6], исследовать вариативность смыслов, которые люди придают факту свершившегося. За этой «подкладкой» можно увидеть целый мир нарративов, в которых содержание события предстает в разных формах: от изнеженно-мифологической до скелетно-реальной. Поэтому можно говорить о правдивых нарративах, но сложно определить любой нарратив как истину. Реальность может искажаться «ошибками памяти», идеологическими ретушированиями, откровенной ложью. Но бытование любого нарратива тоже является реальностью, социальным фактом. Каждый нарратив имеет право на существование. Те, кто придерживается определенного смысла события, имеют право на свой нарратив.

Право нарратива

Итак, социальная память в конструктивистском видении представляет собой «поле» силового притяжения в терминологии П. Бурдьё. «Поле» есть пространство для игры сил и монополий, борьбы и стратегий, интересов и прибылей [4, 5]. В этом пространстве «находятся агенты и институты, производящие, воспроизводящие и распространяющие искусство, литературу или науку... микрокосм, наделенный своими собственными законами» [4, с. 51]. На поле социальной памяти происходит расстановка агентов от институтов власти, акторов различных социальных групп. Политизация поля памяти означает, что способность людей помнить акторы превращают в игру, в которой право принуждать остальных «игроков» играть по правилам они присваивают себе, определяя идеологическую стратегию. Позиции, занимаемые сильными (изобретающими правила игры) и слабыми (принуждаемыми действовать по правилам) «игроками», определяет выбор их действий по отношению друг к другу.

На расстановку силовых позиций влияет наличие символического капитала. Память – это «поле» столкновения смыслов и целей политических агентов, предъявляющих права на интерпретации исторических событий – права на нарратив. Нарратив понимается нами не только в качестве исторического или бытового повествования. Нарратив есть презентация смысла социальной группы в социуме. Право на такие презентации (право нарратива) есть заявка на социальную конкуренцию, демонстрацию «символического капитала». В повседневной жизни, когда общность не переживает социальных потрясений, отдыхает от кризисов, наносящих исторические травмы, нарративы в поле памяти распределяются равномерно, «чересполосно»: противоречащие интерпретации и смыслы мирно сосуществуют. Во времена, требующие мобилизации членов общности на решение жизненно значимых задач, поле памяти становится ареной конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на интерпретацию образов прошлого. С помощью нарратива группа обретает голос в социально-политических дискуссиях, утверждая свою значимость в жизни общности.

Исторически значимые события становятся полями притяжения для политических «игроков», заявляющих право на собственную трактовку фактов. Интерпретации не бывают нейтральными, они несут смыслы, которые конвенциональны в пределах социальной группы. Поскольку социально дифференцированы носители таких смыслов (будь то агенты власти или депривированные члены общности), постольку дифференцируются смыслы и интерпретации вокруг события-маяка, притягивающего исторические нарративы. Интерпретации, независимо от дифференцирующей позиции, не бывают истинными или ложными. Это смыслы, в которые верят люди. Агентство

будет защищать свой смысл понимания события, сопротивляться обвинениям в ложности своего понимания события. Такое сопротивление порождает борьбу нарративов памяти – ментальное отражение политической борьбы в жизни общества. Агенты институтов и социальных групп стремятся утвердить свое положение через социальное признание своих нарративов другими акторами. Такое признание есть право на «историческую правду», и оно требует уважения. Но если правдой подменять истину, то правда становится инструментом, оружием в ментальных сражениях. Каждая группа стремится утвердить свое понимание правды. Реальность (истина) одна. Интерпретаций реальности – множество.

Государство в лице институтов власти позиционирует себя единственным актором политики памяти, поскольку агенты этих институтов обладают максимальными ресурсами и возможностями по принудительному навязыванию остальному обществу своих концепций национальной истории. Но в последние годы исследователи проблем памяти приходят к мысли о том, что государство – это не единственный «игрок» на поле памяти. Ранее депривированные и дискриминируемые группы (например, казачество, представители депортированных народов, потомки раскулаченных крестьян и духовенства) обретают голос в социально-политических дискуссиях [1]. Агенты институтов государства пытаются их «не замечать», но полностью проигнорировать не могут. Возникает ситуация столкновения исторических нарративов на поле памяти: с одной стороны, государство с концепцией великого и славного прошлого, с другой – пострадавшие социальные группы с их болью о репрессиях советского времени, которая стала частью их идентичности. Самосознание нации распадается на идентичности с разными характеристиками (например, потомки победителей и депривированных членов общества). Идентичности победителей и побежденных, «палачей» и «жертв» выстраиваются вокруг инструментальных ценностей – гордости, чести, престижа, воплощаясь в героическом или мученическом нарративе. У каждой социальной группы свой нарратив, свои герои и антигерои.

Трагедии прошлого коллективная память может вытеснить из центра самосознания группы на его периферию как угрожающие национальной идентичности. При этом в поле памяти мифы и правдивые события переплетаются воедино. Неоднозначные образы героев и исторических событий в кризисных ситуациях могут быть использованы в качестве инструментов оправдания ситуативных политических решений (например, в «политике упрека»). Задача агентов власти – утверждение своего влияния в поле памяти, конструирование и контроль смыслов своих нарративов. Рядовые «игроки» стремятся защитить свои интерпретации исторических событий. Столкновение официальных и неофициальных нарративов олицетворяет борьбу за право заработать и продемонстрировать «символический капитал», объясняя

ющий остальным акторам право на доминирование собственной правды памяти. Накопить такой капитал можно с помощью признания ценности своего нарратива другими «игроками» на поле памяти. С углублением кризиса (социального, политического, экономического) столкновение нарративов и вариаций правды перерастает в настоящую войну памяти.

Социокультурный анализ – один из методов изучения социальной ситуации. Это инструмент для сравнения официальных и неофициальных нарративов, поиск точек напряженности в общественном сознании, вызванных противоречиями в интерпретациях исторического события. Агенты и акторы победивших презентаций получают исключительное право стать доминантными «игроками» на поле памяти: они могут устанавливать правила игры и быстро их менять по своему желанию (изменять смысл события, его временную и пространственную протяженность, определять идеологические акценты). Однако такая активность ограничена правами других акторов, отстаивающих собственные интерпретации событий. Событие, вокруг которого сложилось полевое притяжение, становится источником полевого напряжения.

Столкновение нарративов поляризует общество в разворачивающихся дискуссиях на исторически значимые темы: различные социальные общности оперируют «неравновесными аргументами» – мифами и исторической правдой. Мифы объявляются панацеей для сохранения «духовных скреп», министры сражаются с учеными и работниками архивов. На этом ментальном поле сражения побеждает не здравый смысл, но ситуативный политический расчет. Аргумент, подкрепленный архивными документами, проигрывает фантазиям, выдающим желаемое за реальность. Историческая правда сталкивается с правдой истории на виражах политики. Правда памяти людей выносятся за скобки политических решений. Правдой становится то, в чем удалось убедить население [8, с. 237]. После победы в мнемическом сражении доминантные «игроки» становятся ответственными за то, что однажды историческая правда станет шоком, травмирует потомков. П. Штомпка отмечает, что культурную травму несут открытие архивов и восстановление исторической правды. Согласие отцов с тем, что хороший миф лучше жестокой правды, травмоопасно для потомков, наследующих не только последствия политических решений, но и проблемы отцов, не сумевших отстоять право на свой нарратив.

Конструирование нарратива

Поле памяти не есть совокупность информации о событиях в жизни людей. По вертикали социальная память имеет слоистую структуру, образованную микроуровнем (память личностей, семейно-родовая память) и макроуровнем (память этнических и территориальных общностей, память

народа, память человечества). Это всемирный банк информации обо всём, что когда-то сделано, сказано, подумано людьми.

Это информационное поле ноологического свойства. Его содержание – не хаотичные воспоминания личностей и социальных групп. Поле памяти упорядочивается нарративами, конструирующими референтные события в истории жизни людей. Это донжоны памяти, за которые извечно сражаются политики и их идеологи. Право на правду уточняется правом на смысл. Власть официальных нарративов ограничивается бытованием неофициальных нарративов, наполненных разнообразием смыслов и точек зрения на событие. Смысл становится ядром конструирования нарратива, инструментом для отстаивания своего понимания события. Он не может быть правильным или ошибочным. И он никогда не бывает нейтральным. Этот смысл люди всегда будут защищать. Можно заставить их прекратить обсуждать событие, но никто не сможет принудить человека отказаться от своего смысла понимания события. Указать человеку на то, что в его воспоминаниях есть ошибка, значит проявить некомпетентность в понимании сущности общественного сознания. Люди будут защищать свои «ошибки». Отмахнуться от нарратива, ссылаясь на фантазии или амнезию человека, значит проявить исследовательскую некорректность и недальновидность. Сам факт существования разных нарративов есть сигнал о возбуждении мнемической атмосферы, ментальном напряжении, дремлющем латентном несогласии, невербализованном конфликте, который может взорвать глянцевую плоскость идеологической реальности.

Нарратив всегда субъектен, он имеет автора – нарратора. Объективных нарративов не бывает. П. Рикёр считает, что нарратив представляет собой «упорядочивание неких фактов или событий в систему, соединение их в единую смысловую конфигурацию, сюжет», который в то же время является «репрезентацией или подражанием реальным событиям» [15, с. 44]. Нарративы формируются из последовательно связанных событий, каждое из которых может иметь свою сюжетно-смысловую линию. Е. Топольски объясняет процесс формирования исторического нарратива: историки опосредуют информацию с помощью своего воображения, убеждают целевую аудиторию в правдоподобности нарратива, формируют теорию обоснования нарратива в соответствии с собственными ценностными установками [28, с. 201]. Далее акторы от партийной идеологии контролируют смысл нарратива, защищая от вариативности трактовок о событии. Агенты властных институтов предлагают обществу концепты истории и образы государственных деятелей путем формирования групп влияния в СМИ и модерации общественных дискуссий на исторически значимые темы, создание художественных и документальных фильмов на заданную тематику. Использо-

ются стратегии забвения преступлений, жертвам бросают обвинения, «палачи» отказываются от ответственности («я лишь исполнял приказ»), сетуют на амнезию («не помню, значит, этого не было»), замалчивают, искажают исторические факты, выдают мифы за реальность.

Но силовое утверждение агентами институтов власти какого-либо нарратива как единственно допустимого может привести к сопротивлению социальных групп, имеющих собственное смысловое толкование ситуации. Это сопротивление будет проявляться в подчеркивании группой своих страданий. Публичная самопрезентация различных социальных групп оформляется в образах «героев», «мучеников», «борцов за права». Ключевую роль приобретают свидетели исторических событий. Они прорывают «плотину молчания», свидетельствуют об исторической правде. На основании рассказов свидетелей гражданское общество способно дать морально-этическую, правовую оценку совершенных деяний, призывать к ответственности.

Травмированные действиями государства социальные группы могут молчать от страха и бессилия. Молчаливое, почти вытесненное переживание события передается от поколения к поколению как форма социальной защиты. Когда группа молчит, то ее сложно обвинить в деструктивном (по отношению к власти) поведении и снова депривировать. Однако молчание создает напряжение в мнемическом поле, память настойчиво дает о себе знать, когда всплывают новые факты, которые трудно удержать в тайне. Социальная память сама побуждает ранее дискриминированную группу к активности в публичном пространстве, как только к этому начинают располагать обстоятельства. Артикулируя травмирующие события, группа «жертв» и их потомков солидаризируется, получает общественное признание (реабилитацию), право на компенсации. Российское законодательство гарантирует жертвам политических репрессий право на память и доброе имя. В материальном плане вопрос компенсаций репрессированным не решен. Но символический ресурс данного акта заключается в публичном признании жестокости государства по отношению к собственным гражданам [19].

Память – это небесный Тир НаНоткх – описанное Р. Желязны ментальное отражение возможностей жизни социума, нереализованных, предсказанных. Это метафора небесного отражения реальности, где обретают телесность сны, бродят порождения неврозов, правят сомнительные пророчества, осуществляются противоречивые желания. Как будет понят смысл образа памяти, так и будут разворачиваться события в реальности [7, с. 705]. В этот мифический город можно войти, чтобы понять проблемы реальности.

В процессах функционирования социальной памяти ключевую роль играет политика памяти, которая становится проводником ментальных трагедий, искажающих прошлое и угрожающих будущему.

Политика памяти

Историческая память становится инструментом управления общественным сознанием с целью подчинить ментальные структуры правилам социально-политических «игр». Акторы используют образы памяти для оправдания и легитимизации своих решений, установления контроля над политической ситуацией. Политика памяти используется властью как инструмент идеологизации прошлого и контроля над социумом [16, с. 41]. С ее помощью власть дает оценку содержанию и образам социальной памяти. Политика памяти формирует правила игры, которые могут меняться в зависимости от изменения социальной ситуации. Монополией на изменение правил игры обладают агенты властных институтов. Но резкое изменение правил игры «приводит к разбалансировке механизмов, разрушению институтов и институционализированных практик, способствует переходу ситуации от кризисной к экстремальной, несущей угрозу жизни, угрозу срыва деятельности по решению жизненно важных задач» [14, с. 12]. Дискуссии и столкновения между социальными группами по вопросам недавнего общего прошлого – это неизбежное явление, вызванное борьбой за право на трактовки истории. Взгляды на общее прошлое могут разъединять или солидаризировать людей. Многое зависит от дискурсов, которые либо поддерживаются властью, либо «глушатся» в публичном пространстве.

Политика памяти становится механизмом регулирования коллективных представлений о прошлом: актуализируются образы, архетипы, наиболее точно представляющие идеологические схемы легитимизации власти, вытесняются или специфическим образом интерпретируются идеологически опасные воспоминания. Здесь используются механизмы социальной памяти: запоминание и забывание с добавлением селекции и интерпретации образов памяти в разных конфигурациях.

Социальная память становится символическим ресурсом для самоутверждения «игроков». Постыдные или героические воспоминания становятся орудием упрека или самовосхваления. Память игроков о национальном прошлом служит основой их самоидентификации и социального престижа, который меняется в зависимости от преобладания в обществе того или иного взгляда на историю. Это не только разрушает цельные нарративы национальной истории и вызывает у населения противоречивые чувства, но и затрудняет возможности для продуктивного публичного дискурса о травмах прошлого. Власть предпочитает законодательно табуировать обсуждение травмирующих событий, не вступать в диалог с обществом. Так, 4 апреля 2014 г. Госдумой РФ был принят закон, запрещающий пересмотр итогов Второй мировой войны под угрозой тюремного заключения [18]. Это пример жесткого доминирования в поле памяти, исключая

ющего исторические исследования в любом ключе, кроме идеологически правильного подхода. Любые исторические факты, не подтверждающие патриотически ориентированные нарративные стратегии, могут оказаться под запретом.

Разделяя социальные группы на условно «патриотический» и «либеральный» лагеря, агенты властных институтов усугубляют существующие травмы памяти и коллективные неврозы. «Опрокидывая в прошлое» потребности настоящего, властные институты пытаются создать официальный исторический нарратив. Граждане становятся свидетелями конфликта между фактами прошлого, их интерпретациями и историческими мифами, существование которых прямо или косвенно поддерживается государством [3].

Стратегии и сценарии политики памяти

Политика памяти включает селекцию исторических фактов и их интерпретаций, определение «иконостаса» национальных героев, решения власти по вопросам организации дискурсов в общественном пространстве, превращение результатов дискурса в идеологические конструкты. *Стратегии политики памяти – это генеральный способ достижения цели, направления политической деятельности, объединяющие поведенческие паттерны, идеологические конструкты, ресурсы влияния на коллективное сознание с целью доминирования в интерпретации образов коллективной памяти.* В современном арсенале политики памяти есть стратегии упрека, замалчивания, навязывания образов памяти, диалога. Стратегии строятся на основе сценарных решений организации дискурса, которые опираются на сформированные представления социальных групп о собственном прошлом и созвучные им морально-этические оценки и образы социальной памяти. *Сценарий политики памяти – это исторически и культурно обусловленная совокупность мероприятий ситуативного (тактического) характера для реализации задач по внедрению и культивированию идеологически выгодных интерпретаций образов социальной памяти.* Субъекты сценариев – агенты институтов власти и социальных групп. Оппоненты предлагают нарративы в виде аргументов, воцаряется дух соревнования и игры. Поле памяти становится ареной для воплощения сценариев и распределения социальных ролей: инициатор нарратива, резонеры, «герои», «предатели», участники дискуссии, зрители (статисты).

Агентство принимает правила игры (сценарии) в русле генеральной стратегии политики памяти. Правила определяют нормы ведения диалога (покаяние, поминовение), дискурс презентации нарративов, форматы доминирования (запрет, замалчивание, переключение внимания, забвение исторически неудобных событий) в зависимости от социально-политической ситуации и культурно-исторического контекста.

Структура сценария практически идентичная законам драматургии:

– интродукция (информационный вброс, нарратив, отбор нарративов, интерпретация нарративов);

– развитие фабулы (внедрение нарративов в общественное сознание средствами СМИ, организация дискурса, привлечение медийных лиц, манипулятивные практики в целях сохранения контроля над коллективным сознанием агентства);

– кульминация – место в сценарии, где действующие лица меняют линию поведения; «центральная зона культуры» агентства начинает понимать настоящие цели и смыслы поведения доминантных «игроков», идет оценка режиссуры и действий режиссеров;

– эпилог (формулирование очередного закона запретительного или регулятивного характера, по сути, смена правил игры).

Сценарии политики памяти могут быть социально конструктивными и социально деструктивными. Если деструктивный сценарий приводит к легитимации доминантности нарратива конкретной группы или партии в формате «разделяй и властвуй», конструктивный сценарий служит социальному примирению, укреплению национальной солидарности. Сценарии политики памяти варьируются от признания ущерба пострадавшим до отказа от ответственности, от победы в гонке за исторический престиж до примирения бывших оппонентов (палачей и жертв).

Сценарий воспевания «исторического величия». Ключевыми нарративами являются исторические повествования об образовании СССР как великой державы, о Великой Отечественной войне, полете Ю.А. Гагарина в космос, освоении целинных земель в Средней Азии, «Карибском кризисе», «холодной войне», Олимпиаде 1980 года и т. п. То, что не вписывается в парадигму государственной мощи и славы (репрессии, голод, геноцид, депортации народов), подвергается забвению и замалчиванию. Режиссеры и актеры данного сценария презентуют мощь и величие государства, его внутренний и внешний престиж. Достижения социальных групп упоминаются в привязке к действиям государства: человек сам по себе не представляет интереса. Российские власти не любят вспоминать об убийстве польских офицеров под Катынью, расстреле демонстрации рабочих в Новочеркасске, неудачной Крымской войне, итогах Брестского мира. Критика нарушения прав человека в СССР, репрессий, неэффективности бюрократии трактуется как попытка подрыва государственности.

В качестве манипулятивных приемов применяется обесценивание критики советской системы, стигматизация сторонников оппозиционных нарративов – принудительное распределение ролей «пособников западных спецслужб», «агентов влияния мирового капитала». Иногда в ход идут манипуляции общественным сознанием с помощью мифов, откровенно

искажающих историческую память. Педальруется идея о том, что настоящая история государства началась в 1917 г. В рамках этого сценария был принят закон о запрете критики действий СССР во время Второй мировой войны [18], ведется пропаганда советской символики и достижений, отставание интерпретаций действий власти советского периода как целесообразных и полезных для страны и народа, популяризируется идея возрождения Советского Союза. При всей патриотически-методологической правильности построения этого сценария он не ведет к согласию между разными группами общества. Чем сильнее хор «воспевающих», тем более мощным становится мнемическое сопротивление депривированных групп, что опасно социальными конфликтами.

Сценарий «замалчивания» дополняет сценарные ходы «исторического величия». С начала 2000-х годов прилагались усилия по сворачиванию в публичном пространстве критического дискурса относительно отечественной истории. Воплощается этот сценарий в организации препятствий для исследователей в доступе к архивам, обструкции критиков советского прошлого, в уходе от обсуждения неудач правительства и государственных деятелей, в роли социальных, этнических, культурных групп в исторических процессах. Деструктивность этого сценария заключается в быстром залечивании ран общественного сознания, которые будут болеть и гноиться, хронические мнемические заболевания будут передаваться по наследству потомкам, лишая их энергии для рефлексии настоящего и выработки стратегий будущего.

Сценарий противоречивых нарративов – попытка «примирить» жертв репрессий и их палачей. Идет восхваление государственной мощи и одновременно поклонение уничтоженным этой мощью. Восхваляя действия партийных активистов времен советской власти, преследовавших священников и монахов, лидеры правящей партии одновременно демонстрируют религиозность, поддерживая неоднозначные проекты возведения церквей на территориях общего пользования горожан или передачи музеев в руки РПЦ. Служители церкви тем временем поют молебны новомученикам, одновременно защищая, а подчас и воспевая высших лиц советской власти, которые проводили репрессии против священников. Сегодня топонимика российских городов причудливо сочетает в себе имена организаторов массовых репрессий и их жертв. Иногда это доходит до абсурда. Например, резонансным выглядело переименование российского вуза в «Ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Университет путей сообщения имени Императора Николая II». Впрочем, подобный «кентавр» продержался недолго.

Этот сценарий политики памяти дезориентирует социальные группы. При всей неоднозначности истории отсутствие площадок для общественной дискуссии приводит к тому, что травмы прошлого остаются неисцеленными. Совладание с травмой идет в опасном направлении, когда кон-

курирующие нарративы памяти не оставляют возможности для реального примирения с историческими фактами. Рациональная коммуникация здесь проблематична. Разделение общества на «палачей» и «жертв», на «поддерживающих» и «сочувствующих» дифференцирует содержание памяти, отраженное в противоречивых нарративах. Есть правда памяти репрессированных групп и есть правда памяти агентов власти. Голос первых, как правило, тише, но не менее настойчивый, чем претензии на истину вторых. Пытаться перекричать друг друга – тупиковый путь. Если общество не способно сформулировать однозначное отношение к прошлому, то солидарность его разрушается. Общественная дискуссия о советском прошлом в рамках этого сценария невозможна: прошлое остается не прожитым, не осмысленным и не принятым социумом.

Сценарий «покаяния» основан на ревизии истории с целью выявления групп, пострадавших от действий власти, на мемориализации памяти о репрессированных. Историческим нарративом данного сценария можно назвать «программу десталинизации», включающую разрушение системы ГУЛАГ, реабилитацию политических заключенных (1950-е и 1990-е гг.), освобождение диссидентов из тюрем и психиатрических больниц, снос памятника Ф. Дзержинскому в Москве и т. п. Нарративы этого сценария подчеркивают достоинство и мужество человека перед государственным аппаратом насилия. В рамках этого сценария был принят закон «О реабилитации жертв политических репрессий», установлены компенсации и право на память репрессированным и членам их семей, открыты музеи и памятные места, посвященные истории политических репрессий, внесены соответствующие изменения в учебники истории, рассекречены архивные уголовные дела системы ГУЛАГ.

При всей конструктивности реализация этого сценария в полной мере невозможна. Правда нарративов одной социальной группы не может доминировать. Социальная память не решает проблемы этики и не восстанавливает историческую справедливость, она функционирует не в качестве суда морали и ответственности, но поля опыта.

Сценарий примирения и солидарности основан на диалоге. Он предполагает организацию дискурса, согласование принимаемых решений между акторами при координирующей и посреднической роли агентов властных институтов. Воплощение этого сценария актуализирует признание гражданами факта ответственности государства и должностных лиц за репрессивную политику советского периода. В этом случае востребованными становятся акты (даже символические), осуждающие репрессии государства против своего народа. Но это сложно преодолеть «контраврическому» общественному сознанию, сохраняющему «миф основания» современной России. Миф о Великой Отечественной войне противоречив, поскольку одни и те же политические деятели могут быть признаны и организаторами репрессий, и геро-

ями Великой войны. Разрешение этого противоречия возможно при условии смены акцентов: признание заслуги победы как усилия всех слоев советской России при отказе от приписывания ведущей роли отдельным политическим лидерам и военной элите. Этот сценарий возможен, если будут сняты ограничения архивных исследований по истории репрессий, опубликованы статистические и персональные сведения о пострадавших от государственного террора. Но этот вариант нервнрует агентов власти, что затрудняет проведение акций скорби по жертвам, значит, и возможность гражданского примирения потомков репрессированных и инициаторов репрессий.

Гражданское согласие покоится на отношении к советскому прошлому как исторически неоднозначному, требующему осмысления, дискурса, в котором представлены все вариации нарративов, дискурса, способствующего прощению, а не ожесточению споров. Открытие архивов – достойный стратегический маневр с целью признания того, что репрессивная политика затронула все слои общества, оставила глубокую травму в общественном сознании граждан Российского государства. Основная проблема актуализации этого сценария – формирование группы акторов (возможно, из оппонирующих друг другу агентств), обладающих меритократическими качествами и кредитом доверия, способных координировать, осуществлять медиацию общественного дискурса, связанного с вопросами памяти и национальной истории.

Итак, для общества необходима выработка компенсаторного механизма, позволяющего преодолеть травмирующий опыт, не отворачиваясь от мучительных воспоминаний [26, с. 28]. В таких дискурсах может быть сформулирована конвенциональная интерпретация прошлого, когда репрессии не отрицаются, но подаются как национальная трагедия, которая покалечила *все* социальные группы общества. Достижения советского времени могут быть представлены как совокупная заслуга всего народа. Общность осмысливает необходимость прощения (без забвения) и примирения потомков ранее антагонистических групп. Таков конструктивный сценарий укрепления солидарности, совладания с последствиями исторической травмы.

Вывод

Войны, революции, репрессии остро и болезненно переживаются как неоконченные события, неоднозначно отражающиеся на судьбах младших поколений. Из-за отсутствия общественного консенсуса, открытого дискурса, в котором могли бы быть широко представлены различные нарративы, касающиеся трагических событий истории государства, социальная память живет горячей политической жизнью. Очевидно, что запрет на дискурс и отказ от диалога непродуктивны с точки зрения формирования общегражданской солидарности.

Развитие информационных технологий, смена парадигмы восприятия собственной (родовой, национальной) истории приводит к тому, что агенты властных институтов утрачивают монополию на формирование версий национальной истории. Социальные группы начинают формировать свои нарративы и свои версии истории XX в. Семейно-родовая память «тревожит» потомков депривированных групп. Под влиянием семейных легенд и преданий они формируют сетевые горизонтальные структуры (профессиональные историко-генеалогические группы в соцсетях), которые создают надидеологическое понимание событий прошлого. Микроистория отдельных семей и социальных групп начинает оказывать на социум более эмоциональное влияние, чем официальная история из школьных учебников. Политика памяти способна соединить разноликие нарративы-воспоминания в единый образ исторического прошлого с помощью разных стратегий. Стратегия *упрека* не артикулирует вопросы общегражданского прощения и примирения: в центре ее внимания находятся проблемы воздаяния, справедливости, но невольно она приводит к разделению социума на противоположные группы, на «жертв и палачей». Упреки той или иной группы в трагических ошибках прошлого приводят к реакции самозащиты этой группы и нарастанию социального напряжения. Антиподом упрека является стратегическое *навязывание образов памяти*, но оно также не предполагает диалога и провоцирует мнемическое сопротивление депривированных групп. Стратегия *забвения трагического прошлого* побуждает разные социальные группы отстаивать право на собственный нарратив, на поле памяти начинается борьба нарративов, перерастающая в *конфликт интерпретаций прошлого*. Ни одна из этих стратегий не является конструктивным гражданским диалогом о национальном прошлом. В этой мнемической разногласии актуальной становится стратегия политики памяти, которая включает нарративы разных социальных групп в единый официальный дискурс, согласуя противоречия воспоминаний. Примирение, солидарность и прощение могли бы стать основой для нового общественного дискурса по вопросам национальной истории. Стратегия *диалога* предоставляет возможность осмысления национальной истории как сложного драматического процесса без «победителей» и «побежденных», «врагов народа» и «палачей».

Стратегии политики памяти конкретизируются в сценарных решениях. Сценарии *исторического величия* и *замалчивания* используются в стратегиях *забвения трагического прошлого* и *навязывания образов памяти*. Но их ресурс и влияние ограничены: основу идентификации групп не могут составлять только героические события, необходимы нарративы из негероического репертуара, исключенные из дискурса. Сценарий *покаяния* используется для реализации стратегии *упрека*, он противостоит сценариям *исторического величия* и *замалчивания*, но его реализация организует артикуляцию *противо-*

речивых нарративов. Реализация сценария *солидарности* соответствует стратегии диалога, способствует гражданскому примирению. Таким образом, идеологически правильные сценарии политики памяти теряют убедительную силу: социальные группы репрезентуют свои микроистории в воспоминаниях старших родственников – свидетелей и участников исторических событий. «Победить память» социальных групп насильственным принуждением к «правильному» пониманию истории невозможно, но можно помириться с памятью, соглашаясь с фактом существования разных мнемических нарративов по поводу национальной истории.

Литература

1. Аникин Д.А., Линченко А.А. Избирая память? Политические партии в России как акторы исторической политики // *Studia Humanitatis*. – 2017. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory-istoricheskoy-politiki> (дата обращения: 19.11.2020).
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 323 с.
3. Баранов А. Мифологизация истории: нужны ли герои, которых не было? // Русская служба Би-Би-Си: веб-сайт. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37901476> (дата обращения: 19.11.2020).
4. Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё: альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 19–36.
5. Бурдьё П. Поле науки // *SocioLogos 2002: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук*. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2002. – 42 с.
6. Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–644.
7. Желязны Р. Хроники Амбера. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 864 с.
8. Логунова А.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // *Идеи и Идеалы*. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 227–253.
9. Маколи М. Историческая память и общество сограждан // *Pro et Contra*. – 2011. – N 51 (1–2). – С. 134–149.
10. Николаи Ф.В., Уинтер Дж. Места памяти и тени войны // *Вестник Мининского университета*. – 2016. – № 1–2 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesta-pamyati-i-teni-voynu> (дата обращения: 19.11.2020).
11. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. с англ. Д. Хлевнюк // *Социологическое обозрение*. – 2012. – Т. 11, № 1. – С. 40–74.
12. Палат М.К. История и память. Ч. 2 // *Идеи и идеалы*. – 2012. – № 1, т. 1. – С. 72–81.

13. Петелин Б.В. Гельмут Коль: отвечая на вызов истории // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 65–84.
14. Политическое сознание и поведение: эволюция и мобилизация / отв. ред. Л.Л. Шпак. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2016. – 121 с.
15. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.
16. Савельева И.М., Полежаев А.В. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 55 с.
17. Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2013. – 330 с.
18. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.05.2014 № 128-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/ (дата обращения: 19.11.2020).
19. Федеральный закон «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изменениями на 10 декабря 2019 года) // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/ (дата обращения: 19.11.2020).
20. Штомпка П. Социальное изменение как травма (ст. 1) // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
21. Hobsbaum E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 320 p.
22. LaCapra D. *Memory, Law, and Literature: The Cases of Flaubert and Baudelaire* // *History, Memory, and the Law* / ed. by A. Sarat and T.R. Kearns. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. – P. 95–130.
23. Morris-Suzuki T. Remembering the Unfinished Conflict: Museums and the Contested Memory of the Korean War // *The Asia-Pacific Journal*. – 2009. – N 29 (4). – URL: http://japanfocus.org/-TessaMorris_Suzuki/3193 (accessed 19.11.2020).
24. Morris-Suzuki T. *The Past Within Us: Media, Memory, History*. – London; New York: Verso, 2005. – 280 p.
25. Nora P. *Memoire collective* // Goff J. Le, Revel J., Nora P. *La nouvelle histoire*. – Paris: Retz, 1978. – P. 398–401.
26. Roth M. *The Ironist's Cage. Memory, Trauma and the Construction of History*. – New York: Columbia University Press, 1995. – 240 p.
27. Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. – Oxford: Blackwell Publishers, 1986. – 240 p.
28. Topolski J. The Role of Logic and Aesthetics in Constructing Narrative Wholes in Historiography // *History and Theory*. – 1999. – Vol. 38, N 2. – P. 198–210.

Статья поступила в редакцию 13.04.2020.

Статья прошла рецензирование 02.06.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-191-213

MEMORY FIELD: DESIGN AND FIGHT OF NARRATIVES

Logunova Larisa,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Professor of the Department of Sociological
Sciences of Kemerovo State University,
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8417-913X
vinsky888@mail.ru*

Rychkov Vladislav,

*Graduate student of the Department of Sociological Sciences,
Kemerovo State University,
6 Krasnaya St., Kemerovo, 650043, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5771-2995
Vladislav-rychkov@ya.ru*

Abstract

The policy of memory is a strategy of interaction between power institutions and social groups in the public space on issues of national history. Images of social memory are used by actors to create narratives - complete, plot-complete narratives of past events. Social groups declare their identity and the right to their own interpretations of historical events through the creation of narratives. The clash of alternative interpretations of events leads to a mnemonic conflict, which is the reflection of the political struggle for the right to memory. Dialogue and mediation are tools of memory policy. The logic of this policy implies reconciliation and solidarity of all social groups that have survived a single historical fate, but have a differentiated social memory. People remember how these events reflected on the fate of their families.

The methodology of researching the politics of memory is based on sociocultural and historical-comparative analysis, combines phenomenological and constructivist approaches. In analyzing the problem, the article uses the theory of attraction fields of P. Bourdieu. Such a methodological construction helps to study the field structures of social memory, the specifics of constructing a narrative, and the possibilities of a political solution to the mnemonic problems of the nation. The policy of memory is presented as a tool for managing public consciousness in the mental structures of the community. It is contradictory, ideologically determined, involves the collision or coordination of alternative narratives. The structures of power that determine the rules of the "game" on the "memory field", articulating "official narratives", have the right to decide on the priority strategy of memory policy. But the influence on the formation of memory policy strategies is possessed by any social groups representing "unofficial" narratives. The construction of a memory policy is based on strategies – targeted, sequential actions that assert in the collective consciousness the version of

national history as dominant. Strategies are embodied in variable scenarios - tactical measures of a situational nature that determine the moves and placement of acting characters for the implementation of strategies.

The authors identified the main types of memory policy strategies: reproach (realization of a “martyrdom”), oblivion of the tragic past (crowding out facts contradicting “heroic” interpretations from official narratives), conflict of interpretations (contradicting “official” and “unofficial” narratives), dialogue (discourse and coordination of interpretations) with the relevant scenarios of the development of the political situation – the chanting of “historical greatness”, silence, repentance, contradictory narratives, reconciliation and solidarity. The result of the analysis of the problems of social memory in Russia are the theoretical constructs of the narrative confrontation with the following options for scenario solutions that formulate memory policy strategies.

Keywords: memory field, social memory, memory policy, memory policy strategies, memory policy scenarios.

Bibliographic description for citation:

Logunova L., Rychkov V. Memory Field: Design and Fight of Narratives. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 4, pt. 1, pp. 191–213. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.4.1-191-213.

References

1. Anikin D.A., Linchenko A.A. Izbiraya pamyat'? Politicheskie partii v Rossii kak aktory istoricheskoi politiki [Choosing memories? Russian political parties as actors of historical policy]. *Studia Humanitatis*, 2017, no. 4. (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/izbiraya-pamyat-politicheskie-partii-v-rossii-kak-aktory> (accessed 19.11.2020).
2. Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 323 p.
3. Baranov A. Mifologizatsiya istorii: nuzhny li geroi, kotorykh ne bylo? [Mythologization of history: are there any heroes that were not needed?]. (In Russian). Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-37901476> (accessed 19.11.2020).
4. Bourdieu P. Klinicheskaya sotsiologiya polya nauki [Clinical sociology of the field of science]. *Sotsioanaliz P'era Burd'e* [Socioanalysis of Pierre Bourdieu]. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2001, pp. 19–36. (In Russian).
5. Bourdieu P. *Pole nauki* [Field of science]. *SocioLogos 2002*. Moscow, Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2002. 42 p. (In Russian).
6. Weber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Progress Publ., 1990, pp. 602–644. (In Russian).

7. Zelazny R. *Khroniki Ambera* [Chronicles of Amber]. Moscow, Eksmo-press Publ., 2001. 864 p. (In Russian).
8. Logunova L.Yu. Istoricheskaya i sotsial'naya pamyat': paradoksy i smysly [Historical and Social Memory: Paradoxes and Implications]. *Idei i Idealy* = *Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, no. 1, pt. 2, pp. 227–253.
9. Macaulay M. Istoricheskaya pamyat' i obshchestvo sograzhdan [Historical memory and society of fellow citizens]. *Pro et Contra*, 2011, no. 51 (1–2), pp. 134–149. (In Russian).
10. Nikolai F.V., Winter J. Mesta pamyati i teni voyny [Places of memory and the shadow of war]. *Vestnik Mininskogo universiteta* = *Vestnik of Minin University*, 2016, no. 1–2 (14). (In Russian). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesta-pamyati-i-teni-voyny> (accessed 19.11.2020).
11. Olick J. Figuratsii pamyati: protsessy-relyatsionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* = *Russian Sociological Review*, 2012, vol. 11, no. 1, pp. 40–74. (In Russian).
12. Palat M.K. Istoriya i pamyat'. Ch. 2 [History and memory. Pt. 2]. *Idei i Idealy* = *Ideas and Ideals*, 2012, no. 1, vol. 1, pp. 72–81.
13. Petelin B.V. Gel'mut Kol': otvechaya na vyzov istorii [Helmut Kohl: responding to the challenge of history]. *Historia Provinciae – zhurnal regional'noj istorii* = *Historia Provinciae – Journal of Regional History*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 65–84.
14. Shpak L.L., ed. *Politicheskoe soznanie i povedenie: evolyutsiya i mobilizatsiya* [Political consciousness and behavior: evolution and mobilization]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2016. 121 p.
15. Ricœur P. *Vremya i rasskaz*. T. 1. *Intriga i istoricheskii rasskaz* [Time and Story. Vol. 1. Intrigue and historical story]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1998. 313 p. (In Russian).
16. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Sotsial'nye predstavleniya o proshlom: tipy i mekhanizmy formirovaniya* [Social notions of the past: types and mechanisms of formation]. Moscow, HSE Publ., 2004. 55 p.
17. Certeau M. de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The invention of everyday life. 1. The art of doing]. St. Petersburg, European University Publ., 2013. 330 p.
18. Federal'nyi zakon “O vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii” ot 05.05.2014 № 128-FZ [Federal Law «On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation» dated 05.05.2014 N 128]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162575/ (accessed 19.11.2020).
19. Federal'nyi zakon “O reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii” (s izmeneniyami na 10 dekabrya 2019 goda) [Federal Law “On the Rehabilitation of Victims of Political Repression” (as amended on December 10, 2019)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1619/ (accessed 19.11.2020).
20. Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma (st. 1) [Social change as an injury (art. 1)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* = *Sociological Studies*, 2001, no. 1, pp. 6–16.

21. Hobsbaum E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 320 p.
22. LaCapra D. Memory, Law, and Literature: The Cases of Flaubert and Baudelaire. *History, Memory, and the Law*. Ed. by A. Sarat and T.R. Kearns. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1999, pp. 95–130.
23. Morris-Suzuki T. Remembering the Unfinished Conflict: Museums and the Contested Memory of the Korean War. *The Asia-Pacific Journal*, 2009, no. 29 (4). Available at: http://japanfocus.org/-TessaMorris_Suzuki/3193 (accessed 19.11.2020).
24. Morris-Suzuki T. *The Past Within Us: Media, Memory, History*. London, New York, Verso, 2005. 280 p.
25. Nora P. Memoire collective. Goff J. Le, Revel J., Nora P. *La nouvelle histoire*. Paris. Retz, 1978, pp. 398–401.
26. Roth M. *The Ironist's Cage. Memory, Trauma and the Construction of History*. New York, Columbia University Press, 1995. 240 p.
27. Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, Blackwell Publishers, 1986. 240 p.
28. Topolski J. The Role of Logic and Aesthetics in Constructing Narrative Wholes in Historiography. *History and Theory*, 1999, vol. 38, no. 2, pp. 198–210.

The article was received on 13.04.2020.

The article was reviewed on 02.06.2020.